

КРИТИКА И БИБЛИОГРАФИЯ

РЕЦЕНЗИИ

U. Ashe. *Roms Weltherrschafts-idee und Aussenpolitik in der Spätantike im Spiegel der Panegyrici Latini*. Bonn: Habelts Dissertationsdrucke. Reihe Alte Geschichte. 1983. Н 16. 212 S.

Опубликованная в виде книги диссертация западногерманской исследовательницы У. Аше представляет интерес не только для специалиста по поздней античности, хотя материал монографии относится в основном к IV в. На последних страницах этой работы специально отмечается, что сложившиеся в рассмотренный период принципы имперской внешнеполитической концепции (и прежде всего — понимание под *imperium* только потенциальной сферы влияния) были «развернуты» в Византии: идентификация *imperium* и императорской власти породила *basileia* и отличие последней от *politikēia*, понимаемой в основном как *res publica* (с. 148). Не вдаваясь в критику такого упрощения реалий политической доктрины державы ромеев (Аше в конце концов не византинистка), отмечу правильность тезиса о рождении ряда основополагающих компонентов этой доктрины на закате античности (хотя подобную мысль раньше Аше отметила З. В. Удальцова, а специально на материале эпохи Юстиниана I рассмотрела Э. Арвейлер¹).

С другой стороны, Аше представляет на суд читателя методику анализа данных позднеантичных латинских панегириков, при которой последние рассматриваются как важное средство пропаганды, обращаемое не столько к императору, сколько к «общественности» (с. 10). Значит ли это, что Аше учитывает социальную подоплеку создания панегириков? Об этом — ниже. Пока же укажу на исходный вопрос рецензируемой книги — каковы были принципы позднеантичной пропаганды, декларирующей притязания на мировое господство в условиях, менявшихся для Римской империи к худшему (там же; ср.: с. 27—28, 46—47, 73, 95, 112, 120 и след.)?

Хотя латинские панегирики — основной объект исследования, Аше широко сравнивает их данные со сведениями и терминологией памятников наравтивных (например, с Аммианом), эпистолярных и нумизматических. В отдельных разде-

лах логика исследования потребовала анализа грекоязычных авторов — Евнапия (с. 108—111), Фемистия (с. 124 и след.). Особенно показательны в этом отношении примечания, часто превращающиеся в самостоятельные микроисследования по узким сюжетам темы.

Такой подход к источникам дает плодотворные результаты, когда Аше рассматривает эволюцию понятий, входивших в основной арсенал внешнеполитических доктрин поздней Римской империи. Прежде всего, это касается терминов *orbis Romanus* и *orbis terrarum*, содержание которых ярко представлено Пакатом, Евмением и автором *Paneg. VIII*. Надо отметить, что Аше внешнеполитические идеи каждой речи стремится анализировать в контексте *des traditionellen Weltkreisaspektes*, на фоне которого современники оценивали имперскую внешнюю политику (методика, предложенная В. Хартке и развитая И. Штраубом). В результате видно, что хотя *orbis* и *orbis Romanus* в поздней античности существенно различались и последний стал синонимом понятия *imperium* (если речь шла о констатации замкнутости державы), панегиристы конструировали свои сочинения так, чтобы актуальные факты риторически привести в соответствие с традиционными имперскими притязаниями. Пакат, в частности, широко использовал метод Плиния Старшего и Августа, — краткое паратактическое перечисление внешнеполитических акций, при котором они ясно проявлялись на фиктивной (для конца IV в.) карте *orbis terrarum*. Если Евмений в 298 г. в обстановке диоклетиановой стабилизации говорил об *orbis depictus*, об одном, римском мире, то Пакат в 389 г. уже отходил от этого понятия. *Orbis* стал лишь потенциальной сферой воздействия власти императора и силы римской армии.

Сходные явления наблюдаются и в терминологии, связанной с характеристиками, даваемыми в панегириках границам империи. Если лимесы на Евфрате и Верхнем Рейне были оборонительными

¹ См.: Удальцова З. В. Некоторые нерешенные проблемы истории византийской культуры // ВВ. 1980. 41. С. 62; Ahrweiler H. L'idéologie politique de l'Empire Byzantin. P., 1975. P. 9—24